

Продолжение.
Начало в «РМ» №4128.

Вместе с тремя главными действующими лицами, не напрямую соответствуя им, в драме принимают участие три восторженных, так сказать, *бездействующих*: это царь Александр, Город и Автор. Город, Петроград, Петрополь, ни разу не названный официальным именем Петербург, предстает лишь точкой приложения сил, полигоном амбиций — и Петра, и Евгения, и Невы. Он сам ничего не *творит*, он — только *"творенье"*, *"три-тон"*, который всплывает и погружается, всплывает и погружается. *"Живость"* ему придает Автор, *"я"*, словно бы для одного этого и выходящий на сцену, а далее выступающий чуть ли не как бесстрастный резонер, строго, почти академически комментирующий действия главных героев. *"Покойный царь"* — является в поэме, чтобы отдать команду о спасении людей и произнести единственную фразу: *"с Божией стихией царям не совладеть"*, — или в черновом варианте: *"с Божией стихией царям не сладить"*. Фраза, просто с покорностью констатирующая факт — и в то же время ключевая для поэмы!

Стихия бушующей природы написана с неотразимой наглядностью. На фоне этой картины не сразу замечаешь, что чувства, бушующие в помраченной душе Евгения, — та же стихия. Параллель возникает уже в начале:

Нева металась, как больной
В своей постели беспокойной,

— и в это же время герой, в своей постели

заснуть не мог,
В волненье разных размышлений.

После наводнения он и ведет себя, как только что вела себя

Анатолий Найман

«Медный всадник» Пушкина

Эссе из цикла «Русская поэма: четыре опыта»

река: спит на пристани, скитается по улицам, не разбирает дороги. *“Мятежный шум Невы и ветров раздался в его ушах”*. *“Настигся разрушением и наглым буйством утомясь, Нева обратно повлеклась”*, а Евгений — *“прошла неделя, месяц — он к себе домой не возвращался”*. Избыток этой стихии он передает в сцене бунта и Всаднику, от которого бежит потом *“по площади пустой”*, по тем же улицам, по которым только что *“все побежало, все вокруг вдруг опустело”* перед преследующей Невой, по той же мостовой, которая открылась, только когда Нева прекратила с вою потону.

На топких берегах несущейся реки, снеся чернеющие здесь и там избы, Петр построил строгий, стройный город и так же строго и строго регламентировал жизнь его граждан. Евгений, как и его тезка и пред-образ из поэмы "Езерский", *"просто гражданин столичный"*, *"довольно смирный и простой"*, коллежский регистратор, который служит всего два года, но рассчитывает, что *"пройдет, быть может, год-другой — местечко получу"* и тогда *"Параше поручу хозяйство наше и воспитание ребят..."*.

Это отточие в конце соответствует “и так далее”, то есть означает, что далее все известно наперед, что место в жизни назначено герою раз и навсегда, как

место в чиновничьей табели о рангах, как место, на которое он, приходя домой, привычно вешает шинель. *"И станем жить, и так до гроба рука с рукой дойдем мы оба, и внуки нас похоронят..."*

Но "злые волны, как воры, лезут в окна. Челны с разбега стек-

стихий наводнения, так царь Петр не смог усмирить Божией стихией свободного духа. Человек сперва выпал из его стройной, строгой системы, стал *"ни то, ни сё, ни житель света, ни призрак мертвый"*, а потом и встал. На непререкаемый, выраженный с фонетической агрессивностью приказ и вызов царя: *"здесь будет город заложен"*, — Евгений отвечает равным по силе выпадом неповиновения: *"ужо тебе!"*. Называя Евгения "геросм", автор не сводит это слово только к литературному термину, но оставляет ему и прямое значение.

Пушкин не скрывает, что Евгений — его герой. В неоконченной поэме “Езерский”, ставшей как бы предисловием к “Медному всаднику” и подробным комментарием к образу Евгения, автор открыто называет его “мой приятель”. Хотя Пушкин и

соглашается, "что лучше, ежели поэт возьмет возвышенный предмет", и в доказательство такой возвышенный предмет, Петра, берет, тем не менее — "его пою", Евгения. По родословной, он полный двойник Пушкина. В "Медном всаднике" он подобен поэту и по другим признакам.

В самом деле, вовсе не невозможно представить себе Евгения до трагедии, в подходящий, благополучный момент декламирующего от своего лица монолог Автора *"Люблю тебя, Петра*

Рисунок Пушкина
в черновой рукописи поэмы "Тазит". 1829.

ла бьют кормой", и так далее, "гроба с размытого кладбища плывут по улицами Народ зрится Божий гнев...". И вот уже то, что "думал Он", "строитель чудотворный", исчезло, как и сам "град Петров".

Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.

И так же, как царь Александр
оказался бессилён перед Божией

творенье". Петербург Автора — парадный и безоблачный, а Евгения — обыденный и мрачный, но даже в дождь и сильный ветер он, оказывается, не сидит обреченный на одиночество дома, а вот, вернулся "из гостей", когда "уже поздно было и темно", и не с "пирушки" ли "холостой", о которой с таким восторгом вспоминает Автор во "Вступлении". В первоначальном варианте "Езерского" о Евгении без обиняков сказано, что "мой чиновник был сочинитель и любовник". Еще легче представить себе монолог Евгения "Жениться? Мне? зачем же нет?" вложенным в уста самого Пушкина, тем более, что ему предпослана авторская ремарка "и размышлялся, как поэт"

Монолог этот выражает, часто дословно, настроения и мысли Пушкина накануне его женитьбы. *“То ли дело в Петербурге! заживу себе мечанином припеваючи”* — из письма Плетневу; *“Нет другого счастья, кроме как на проторенных путях”* — Кривцову. В стихотворении 1830 года *“Моя родословная”*, предвосхищающим *“Езерского”*, еще отчетливее — *“Я сам большой: я мечанин”*. Не случайно выгля- дит и упоминание, что жиле Евге- ния *“отдал внаймы, как вышел срок, хозяин бедному поэту”*. Ес- ли не эта, то подобная комната была отдана внаймы и отнюдь не богатому после окончания Лицея поэту Пушкину, в которой он, естественно, в белые ночи писал и читал *“без лампады”*.

И, наконец, транс, в который Евгений впал у памятника, очень сходен с трансом поэта-импровизатора из "Египетских ночей".

Последнее сближение особенно значимо. В "Езерском" по поводу Евгения, а в "Египетских ночах" по поводу стихотворца, в одних и тех же двенадцати строчках, начинающихся *"Зачем крутится ветр в овраге"*, Пушкин высказывает свое поэтическое кредо. И там, и там отрывок предваряется претензией читателей к поэту, избирающему низменный, а не *"возвышенный предмет"*, и там, и там в заключение провозглашается свобода поэта, ничем не ограничиваемая: *"Такое поэт: как Аквилон, что хочет, то и носит он"* — в "Египетских ночах".

В "Езерском" этот гимн свободе звучит так:

Непонимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходившь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные.

Сравним этот портрет *свободы* с портретом *безумия* в “Медном всаднике”:

Он скоро свету

Стал чужд. Весь день бродил
 нешком,

А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
И тлела и мдела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Быль шумом внутренней тревоги.

Другими словами, безумие делает Евгения свободным, и как природную стихию — Неву, и как поэта.

Москва

Продолжение следует.